

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В БЕЛАРУСИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1921-1939 гг.)

И.И. Янушевич

БГУ, Минск

В статье проводится анализ изменения положения Православной церкви период вынужденного нахождения территории Беларуси в составе двух государств – СССР и Речи Посполитой с 1921 г. по 1939 г. Рассматриваются основные направления конфессиональной политики советских партийно-государственных структур и польского правительства. Автором сделан вывод, что оба государства грубо нарушали этноконфессиональные права подавляющего большинства местного населения и выстраивали систему государственно-церковных отношений на полном подчинении религиозных организаций политическим установкам правящих кругов.

The article analyzes the position changes of the Russian Orthodox Church in the period of forced being of Belarusian territories in the USSR and the Polish-Lithuanian Commonwealth from 1921 to 1939 The main directions of religious policy of the Soviet party-state structures and the Polish government are considered. The author concludes that both countries are grossly violated the rights of ethnic religious majority of the local population and build a system of state-church relations at full subordination to religious organizations, political attitudes of the ruling circles.

Религия и церковь практически всегда играли определяющую роль в формировании мировоззренческой позиции личности, являясь важным политическим институтом. В истории Беларуси конфессиональный фактор был всегда значим. Нередко конфессиональная принадлежность определяла политическую ориентацию. Руководство регулировало систему государственно-церковных отношений сугубо по своему усмотрению, в том

числе достаточно жесткими способами. Вначале XX ст. конфессиональная жизнь в Беларуси значительно активизировалась. По сути поработанная в синодально-консисторских путях Русская православная церковь (РПЦ) пыталась вернуться к своему главному предназначению – духовному служению народу и Отечеству. Наметившаяся демократизация государственно-церковных отношений была прервана чередой кровопролитных войн, переворотов и оккупаций, приведших к варварскому разрыву Беларуси на части. Осуществленное в 1921 г. расчленение никоим образом не могло способствовать формированию национальной культуры, духовно-нравственных основ и государственных традиций белорусского народа. Статьи Рижского мирного договора обязывали и Советскую Россию, и Польшу не применять никаких дискриминационных ограничений в этно-конфессиональной сфере. На самом деле ситуация выглядела практически противоположно. Большевики продолжили начатую в 1917 г. практику внедрения в массы антирелигиозной идеологии и материалистического мировоззрения, воинствующий атеизм стал определяющим в деле реализации государственной политики в отношении церкви. Руководство Польши в основу этноконфессиональной политики положило доктрину национальной ассимиляции славянских меньшинств. Представляется, что важнейшей составляющей государственно-церковных отношений выступала политика по отношению к наиболее массово представленной в Беларуси Православной церкви, попытка исследования которой и будет предпринята в статье.

Проблемы государственно-церковных отношений данного периода достаточно активно исследовались советскими, российскими и белорусскими учеными. Многие аспекты рассмотрены на очень высоком уровне. Особенно, что касается работ Я. Мараша [1], А. Круглова [2], А. Мартоса [3], В. Новицкого [4], Ф. Кривоноса [5]. Представляется важным и проведение сравнительного анализа ситуации в конфессиональной сфере в обеих частях Беларуси. Несмотря на искусственный разрыв, имевший ограниченные

временные рамки, белорусский народ остро ощущал свою общность, нераздельность истории и будущего. Это показали и события Великой Отечественной войны, и стремление построения суверенного белорусского государства в конце XX-го столетия. Развитие конфессиональной ситуации в период 1921-1939 гг. в настоящий момент также оказывает свое влияние на государственно-церковные отношения в Республике Беларусь, и требует своего обстоятельного изучения.

Руководство Советской России религии и церкви отводило роль стремительно исчезающих общественных институтов. Главным политическим противником была определена РПЦ, как сильный идеологический оппонент, резко выступавший против насильственных действий. До революции в России действовало более 48 000 храмов, из них в белорусских губерниях – 2693. Православная церковь имела до революции статус государственной и получала определенные преимущества перед иными культурами. Не имея какой-то более менее ясной антирелигиозной программы деятельности большевики пошли по пути уничтожения идеологического и экономического потенциала Церкви, а так же разрушения ее административно-управленческой структуры. Очередным поводом для атаки стал голод 1921 г. в Поволжье, где перед угрозой голодной смерти оказались миллионы людей. Под предлогом организации помощи голодающим в первой половине 1922 г. было проведено практически полное ограбление храмов, более того, даже если подвергнуть сомнению данные протоиерея М. Польских о том, что уже в 1922 г. было расстреляно только в Минской епархии 49 священников [6, с. 214], то все равно мнимое сопротивление изъятию ценностей станет в дальнейшем поводом для возбуждения большого количества уголовных дел и в первую очередь над митрополитом Минским и Слуцким Мельхиседеком [7, л. 6].

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. было направлено на разобщение верующих, усложнение церковной жизни, а также взятию под контроль власти любых религиозных

действий. Государство направляло на антирелигиозную деятельность колоссальные человеческие и материальные средства, однако по-прежнему большинство населения продолжало нуждаться в вере в Бога и никак не переходило на атеистические позиции в соответствии с программными документами партии. Основные успехи антирелигиозников были в деле закрытия храмов. С лета 1927 г. под различными благовидными предлогами регистрация и перерегистрация общин откладывалась на неопределенный срок. К началу 1929 г. действовало 1013 православных храма. За 1930 г. было закрыто 573 церкви, в 1936 г. осталось только 74, а к 1940-м гг. в восточной части БССР не осталось ни одного постоянно действующего культового сооружения [4, с. 173]. Еще «успешней» шел процесс уничтожения православного духовенства. Точечные аресты в 1920-е гг. хотя и затрудняли процесс управления церковной жизнью, но не были критичны. Большинство приговоров духовенству выносилось на 3 или 5 лет высылки в Севкрай или заключения в концлагеря. С 1929 г. ситуация коренным образом изменяется. Перед органами ставилась задача сломить любое сопротивление осуществляемым в стране мероприятиям. В одном только 1930 г. было арестовано 93 «церковника». 25 из них расстреляны, а 68 отправлены в лагеря [8, с. 300]. Самыми кровавыми были 1929-1933 гг., 1935 г. и 1937 г. В 1937 г. – первой половине 1938 г. в БССР было арестовано 400 православных священников и монахов, 1 митрополит, 5 епископов и архиепископов [8, с. 304]. В целом по БССР к началу Великой Отечественной войны по приблизительным данным, погибли в лагерях или были расстреляны около 2000 клириков [4, с. 179].

В не подчиненных Советской власти районах Беларуси Православная церковь так же не чувствовала себя защищенной от жесткого давления. Опустошив территорию, немцы в ноябре 1918 г. покинули Беларусь. Вместе с ними, опасаясь преследования большевиков, выехали епископы Георгий (Ярошевский) и Пантелеимон (Рожновский). Летом следующего года

значительную территорию Беларуси заняли поляки, которые сразу же подняли вопрос о ревендикции, то есть отъема у православных тех храмов, которые когда-либо являлись униатскими или католическими, не взирая на способ получения этих зданий униатской или Римско-католической церквями. Процесс быстрого отъема зданий был в целом с пропагандистской точки зрения был не выгоден польскому правительству. Окончание войны еще не просматривалось. Перспектива закрепления на белорусских и украинских землях во многом зависела и от реакции местного населения. В противовес Советской России, где «жидовствующая власть» всячески унижала и уничтожала православие польское правительство старалось декларировать демократический способ реализации государственной конфессиональной политики. Ю. Пилсудский при своем посещении Минска, несмотря на большую загруженность, нашел время для встречи с епископом Мелхиседеком. Возможно, шла речь об автокефалии белорусской и польской православных церквей, об их поддержке режима Ю. Пилсудского, который, в свою очередь, распорядился оказать продовольственную помощь духовенству и содействовал нормализации церковной жизни в занятой польскими войсками Беларуси. Однако на практике процесс отъема зданий проходил достаточно агрессивно. Польская Республика как правопреемница правительства России приняла в свое распоряжение всю движимую и недвижимую церковную собственность, а значит и имела все права на ее дальнейшее распределение [9, с. 188]. Польские власти в 1919-1921-м гг. внешне стремились ограничить незаконные и насильственные отъемы храмов. 12 октября 1919 г. вышел декрет Генерального комиссара о передаче православных церквей, бывших ранее католическими и униатскими храмами, Католической церкви. «При этом передача должна была происходить исключительно по решению начальника округа, а виновные в самовольном занятии святынь подлежали денежному штрафу или месяцу ареста [10, с. 239]. На практике решения принимались старостами или городскими комиссарами под давлением католиков. Этим же распоряжением устанавливалось, что

передаче подлежат 497 православных храмов. [5, с. 50]. После подписания Рижского мирного договора и разрыва Беларуси на части около 3 миллионов населения православного исповедания вошли в состав Польской Республики. Согласно договору, «Польша предоставляла лицам русской, украинской и белорусской национальностей находящимся в Польше на основании равноправия национальностей все права, обеспечивающие развитие культуры, языка и религиозных обрядов» [11, с. 35]. Конституция от 17 марта 1921 г. в ряде статей определяла права и возможности развития национальных меньшинств. Согласно статей 110-116 она провозглашала всем жителям Польши без различий в религии, национальности, цвете кожи, языке «всецелую охрану и свободное исполнение религиозных культов, равенство гражданских и политических прав» [12, с. 444]. Правда в статье 114 имелось указание на то, что католицизм является первой среди равных и имеет право руководствоваться своими установлениями.

Польское правительство, а тем более консервативные католические круги никоим образом не собирались исполнять ни пункты Рижского мирного договора, ни пункты своей конституции в этноконфессиональной сфере. Процесс ополячивания и окатоличивания не приостанавливался. Правительство не могло допустить наличие в государстве групп граждан ощущавших пусть даже незримое духовное единство с восточными соседями. Первейшей целью было придание Православной церкви статуса автокефальной, с целью дальнейшего подчинения своим политическим установкам. Изданные Министерством исповеданий в январе 1922 г. «Временные правила об отношении правительства к Православной Церкви в Польше» отдавали Церковь «в полное и реальное распоряжение административных властей. Главный смысл документа заключался в сохранении синодально-консисторского управления церковью, то есть в недопущении в ней соборного начала» [5, с. 73], развившегося в Советской России и по сути спасшего РПЦ.

Идея автокефалии не поддерживалась православными иерархами. Все 3 руководителя белорусских епархий, выступившие против политики приглашенного для управления православными Польши архиепископа Георгия (Ярошевский), были изолированы. После убийства уже митрополита Георгия Варшавскую кафедру возглавил архиепископ Дионисий (Валединский), назначивший на кафедры епископов не имеющих возможности оказывать сопротивление планам польского руководства. Под давлением властей в 1922 г. была объявлена автокефалия Церкви, создавались условия для полного подчинения православных клириков установкам политического руководства. Несогласные с проводимыми мероприятиями иерархи и священнослужители отстранялись от работы, подвергались арестам, высылались в центральные районы. Многие вынуждены были покинуть страну. Например, настоятель Жировичского Свято-Успенского монастыря архимандрит Тихон (Шарапов) был арестован и выслан в 1924 г. в Германию.

13 ноября 1924 г. патриарх Константинополя дал благословение на автокефалию Польской церкви, а в следующем году был выслан соответствующий томос. Автокефалия Польской церкви была признана всеми православными церквями, кроме Русской. Церковь была разделена на 5 епархий – Варшавско-Холмскую, Волынскую, Гродненскую, Виленскую и Полесскую. Вскоре все епископские кафедры были заняты людьми, готовыми сотрудничать с властями.

12 апреля 1924 г., вслед за Константинопольской патриархией, в Польской церкви был принят новоюлианский календарь. Нововведение активно помогали осуществлять польские чиновники, но многие священники и народ были против календарной реформы. Население всячески сопротивлялось этому. По новому стилю богослужения верующими не посещались. Подобная ситуация имела место и в СССР, и так же безуспешно. «Духовенство отказывалось служить в пустых храмах без хора, чтецов и псаломщика» [13, с. 34]. Назревало недовольство иерархией, которое могло вылиться в более резкие формы

протеста. В августе 1924 г. Синод принял решение проявить гибкость – там, где реформа была принята, оставить ее действие, а противящимся разрешить совершать обряды по юлианскому календарю. В некоторых регионах великие и месточтимые праздники так же проводились по старому стилю.

Автокефалия стала возможной главным образом в силу отсутствия церковной иерархии, опирающейся в своих действиях на духовенство и прихожан. Выхолощенная синодально-консисторской системой царского правительства церковно-приходская жизнь не способна была стать каким-то более менее надежным фундаментом в условиях гонений. Далек не каждый священник осмеливался выступить против власти. Очень эмоционально изложил состояние дел в своем обращении к митрополиту Дионисию на Соборе варшавский клирик Терентий Теодорович. Он утверждал, что православные церковные деятели сами довели ситуацию до крайности идя на всяческие уступки властям: «Мы готовы на всякие уступки в своей традиционной церковности... Новый стиль? Пожалуйста! Автокефалия без всяких прав, без согласия церковного народа и своей Матери-Церкви? Готовы... Только бы свое положение, свои привилегии, удобства, власть сохранить... Если бы иерархия при принятии этих важных вопросов привлекала к участию в разрешении духовенство и народ – этого бы, конечно, не было» [14, с. 131]. Безусловно важным при принятии уступок властям было положение РПЦ в восточных регионах о чем уже и упоминалось.

С середины 1930 - х гг. впервые в истории в православных храмах молебны начали проводиться на польском языке. Агрессивную атаку властей на православных поддерживали консервативные католические круги. Особенно ярко это проявилось в борьбе за храмы. По инициативе ксендзов в 1930 г. были возбуждены дела о ревендикции 500 православных храмов. 300 из них перешли к католикам. Многие богослужебные здания захватывались католиками самовольно, а государственные органы никак не реагировали на факты грубого нарушения законодательства. Отобрание православных храмов не носило

характера государственной необходимости. Многие из них не использовались по прямому назначению или обслуживали незначительное количество прихожан, в то время как православные были лишены возможности удовлетворения своих религиозных чувств [4, 200].

Таким образом, исследование показало, что Православная церковь в Беларуси в межвоенный период пережила один из самых сложных периодов в своей истории. И правящие круги стремились к фактическому уничтожению Церкви. И если цель у них была одна – подчинение православных для их дальнейшей переделки в атеистов-марксистов и поляков-католиков – то формы и методы отличались. Польское правительство естественно не могло себе представить возможность устранения сотен тысяч священников, дьяконов, членов их семей, монашествующих, активных прихожан. Хотя и тюрьмы, и концлагеря со всеми сопутствующими атрибутами там так же к сожалению присутствовали. Властями всячески ограничивались возможности православных делегаций организаций своей деятельности, подрывался экономический и образовательный потенциал. Различные структуры вмешивались во внутренние дела Церкви с целью дестабилизировать обстановку. Как показала история православия на наших землях, не смотря на такие тяжелейшие и трагические периоды, сохранило громадный потенциал.

Литература:

1. *Мараш, Я.Н.* Политика Ватикана и католической церкви в Западной Белоруссии (1918-1939) / Я.Н.Мараш. – Минск: Беларусь, 1983. – 217 с.
2. *Круглов, А. А.* Развитие атеизма в Белоруссии / А.А. Круглов. – Минск: Беларусь, 1989. – 328 с.
3. *Мартос, А.* Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни / А. Мартос. – Буэнос-Айрес, Аргентина. 1966. Репринт: Минск: Белорусский экзархат Русской Православной Церкви, 1990. –237 с.

4. *Навіцкі, У. І.* Змена канфесіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20-30-я гг. ХХ-га ст. // *Канфесіі на Беларусі* / В. В. Грыгор'ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – С. 179-305.
5. *Кривонос, Ф.* У Бога мертвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917-1939 гг.) / Ф. Кривонос. – Минск: МФЦП, 2007. – 239 с.
6. Новые мученики российские: В 2 т. / Сост. М. Польских. – Джорданвиль: 1949. – Т.1.
7. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф.4. – Оп. 21. – Д. 60.
8. *Протько, Т.* Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917-1941 гг.) / Т. Протько. – Минск: Тесей, 2006. – 687 с.
9. *Мруз, М.* Каталіцызм на паграніччы / М. Мруз. – Мінск: Медысон, 2009. – 304 с.
10. *Чернякевич А.Н.* Православная церковь на белорусских землях в условиях польской оккупации 1919-1920 гг. / А.Н. Чернякевич // *Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: сб. научных статей* / Гродн. гос. ун-т, с. редкол.: М.А. Можейко [и др.]. – Гродно, 2000. – С. 238-241.
11. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР. – Минск, Государственное изд. БССР, 1962. – Т.1.
12. *Гончаров, Н.Н., Фдоров, И.О.* Этноконфессиональный аспект политики правящих кругов Польши межвоенного двадцатилетия / Н.Н.Гончаров, И.О. Фдоров. *Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: материалы Международной научной конференции, Гродно, 16–18 ноябр. 1999 г.* / Гродн. гос. ун-т, с. редкол.: У.Д. Розенфельд [и др.]. – Гродно, 2000. – С. 444-448.

13. *Костюк В.* История Полесской епархии (1922-1944) / В. Костюк. – Брест, 1999. – 138 с.
14. *Бессонов М.П.* Православие в наши дни / М.П. Бессонов. – М.: политиздат, 1990. – 325 с.